

ВЕЛИКИЙ ПОЛЬСКИЙ КОМПОЗИТОР

Крупнейший советский музыковед академик Б. В. Асафьев так писал о творчестве гениального польского композитора Фредерика Шопена: «Здесь вся Польша: ее народная драма, ее быт, чувствования... ее думы и песни». Это сказано очень метко. Действительно, сочинения Шопена, так же как и поэтическое наследие Адама Мицкевича, являются глубочайшим выражением духа польского народа, его дум, мечтаний, надежд, его страстного стремления к свободе и национальной независимости.

Шопен — композитор народный в самом истинном смысле этого слова. Его полонезы, мазурки, прелюдии, скерцо пронизаны интонациями народной польской музыки, хорошо знакомой ему еще с детских лет. Будущий создатель польской музыкальной классики, часто и подолгу живя в деревне, имел возможность детально познакомиться с музыкальным бытом польского народа. Он слышал в живом исполнении чудесные польские песни, видел польские народные танцы. Это произвело на живого, восприимчивого мальчика глубокое, незабываемое впечатление. И как гражданин и как художник Шопен с самого раннего возраста стал пламенным патриотом своего отечества. «Напрасно Мальфатти старается меня убедить, — пишет он в одном из писем, — что всякий артист космополит... Как артист, я еще в колыбели, а как поляк — я уже начал третий десяток».

Это ощущение кровной связи со своим народом не покидало композитора до самых последних дней жизни. Характерно, что его «лебединая песнь» — мазурка фа-минор — это сочинение, написанное в излюбленном им жанре польского народного танца, жанре, в котором он вместе с нашим великим Глинкой открыл человечеству целый мир неограниченно прекрасных художественных образов.

Глубокая любовь к своему народу, которую не могли ослабить долгие годы вынужденного пребывания за границей, естественно, привела к тому, что Шопен прекрасно понимал, что именно желает услышать народ в его музыке. Благодаря этому произве-

К 100-летию со дня смерти Шопена

дения его — в этом он шел рука об руку с нашими великими классиками — отражали мысли и чувства польского народа, его пламенное стремление к будущей прекрасной жизни. Таковы полонезы великого композитора, о которых друг Шопена гениальный пианист Франц Лист писал, что, слушая их, «видишь будто твердую, тяжелую поступь людей, выступающих с доблестной отвагой против всего самого наглого и несправедли-

Фредерик ШОПЕН.

вого в судьбе человека». Таковы многие из его этюдов, в том числе прославленный двенадцатый этюд, называемый обычно революционным, написанный под впечатлением поражения польского восстания 1830 года, — вдохновенное сочинение, полное боли и гнева за свою поруганную родину.

Народность творчества Шопена неотделима от его реализма. Как у всякого великого художника, идея и ее воплощение, форма и

содержание находились у него в идеальном гармоническом соответствии. Техническое мастерство гениального композитора было поразительно. Современники не устают восхищаться его необычайно поэтичной игрой, его вдохновенными импровизациями. «Ничто не может сравниться с наслаждением слушать Шопена, когда он импровизирует за фортепиано», — писал Генрих Гейне. Но при всем этом Шопен упорно отделял свои произведения, стремился к тому, чтобы его мысли были поняты всеми слушателями. Гениально одаренный импровизатор, он, по свидетельству своей подруги, известной писательницы Жорж Занд, не шести недель проводил над одной страницей. Только в результате постоянного, нечеловечески напряженного труда великий композитор достиг такого мастерства, что та же Жорж Занд писала о нем: «Он умеет вложить в десять строчек, доступных исполнению ребенка, поэму непередаваемого подъема, драму неповторимой силы».

В противоположность многим другим крупным композиторам, щедро расточавшим свою творческую энергию в различных музыкальных жанрах, Шопен писал почти исключительно для фортепиано, но в этих внешне ограниченных рамках он сумел создать образы необычайной художественной выразительности. Его сочинения раскрыли слушателям такие звуковые красоты и художественные богатства, таившиеся в фортепиано, о существовании которых раньше даже и не подозревали. Очень яркую характеристику Шопена — пианиста и фортепианного композитора оставил нам гениальный русский пианист Антон Рубинштейн.

«Трагизм, романтизм, лирика, героическое, драматическое, фантастическое, задушевное, сердечное, мечтательное, блестящее, величественное, простота, вообще всевозможные выражения находятся в его сочинениях для этого инструмента (фортепиано. — И. П.) и все это звучит на нем в самом целостнейшем образе».

Классики нашей русской музыки — композиторы, музыковеды, исполнители — питали горячую симпатию и глубокое уважение к

своему польскому собрату. Да это и не удивительно. Всеми чертами своего творческого облика — народностью, реализмом художественных образов, простотой и ясностью языка — Шопен был близок Глинке, Чайковскому, Римскому-Корсакову и другим великим русским композиторам. Как и наши классики, Шопен в своем творчестве отражал прогрессивные, революционные идеи своего времени, стремился художественно воплотить заветные думы и чаяния своего народа. Глинка, Балакирев, Римский-Корсаков, Лягунов, Лядов, не говоря уже о предшественниках русской классической музыкальной критики — В. В. Стасове и А. Н. Серове, — все они оставили нам немало свидетельств своей горячей любви к творчеству Шопена.

В частности, заслуживает упоминания тот факт, что первое в мире полное собрание сочинений Шопена издано в России, что памятник Шопену на его родине — в Желязовой Воле был поставлен по инициативе главы «Могучей кучки», знаменитого русского композитора и общественного деятеля Милия Алексеевича Балакирева.

Буржуазные музыковеды и исполнители немало потрудились над тем, чтобы исказить творческий облик Шопена. На протяжении десятилетий, вопреки очевидным фактам, они стремились доказать, что Шопен не мужественный, гордый борец за счастливое будущее своего отечества, а хрупкий, изнеженный певец аристократических салонов, что его творчеству свойственны черты уныния, безнадежного пессимизма, что он — артист-космополит, для которого понятие родина — лишь пустой звук. И это писалось о человеке, который в течение долгих лет, живя в Париже и Лондоне, мучительно страдал от тоски по родине; о человеке, все творчество которого служило борьбе поляков за национальное демократическое государство.

Жизнь показала всю беспочвенность тенденциозных измышлений жрецов «искусства для искусства». Народ увидел в творчестве Шопена не сентиментальный надрыв и пессимизм, а могучую волю, оптимизм, гордость, мужественную скорбь народных масс своей родины. Характерно, что имена подавляющего большинства зарубежных пианистов, посвятивших себя исполнению шо-

пеновских сочинений и стремившихся истолковывать их в салонно-эстетском плане, сейчас уже забыты.

Творческий облик Шопена раскрыли слушателям наши русские пианисты А. и Н. Рубинштейны, А. Есинова, С. Рахманинов, М. Балакирев, А. Лядов, которые создали школу реалистического исполнения сочинений Шопена. Их традиции были широко развиты нашими советскими пианистами, неизменными победителями международных конкурсов пианистов имени Шопена.

Творчество Шопена никогда и нигде не пользовалось еще такой всеобщей любовью, как в нашей великой стране — законной наследнице всего лучшего, созданного мировой культурой. Ежедневно вдохновенные мелодии великого польского композитора транслируются в эфир нашими радиостанциями, звучат со сцен сотен концертных залов. Огромное место занимают сочинения Шопена в учебно-педагогическом репертуаре советских музыкальных учебных заведений. У нас нет ни одного пианиста — студента консерватории, который ежегодно не выучил бы пять-шесть произведений Шопена. Огромный вклад в научное изучение и популяризацию шопеновского наследия внесли наши музыковеды.

Фредерик Шопен в своем завещании просил похоронить свое сердце в столице любимой родины — Варшаве. Сердце Шопена в годы оккупации Польши гитлеровскими захватчиками стало символом борьбы польских патриотов с оккупантами. Гестаповские ищейки пытались украсть у народа его национальную святыню — сердце великого композитора. Но попытки их были тщетны. Польские патриоты не допустили, чтобы грязные руки эсэсовцев осквернили сердце человека, отдавшего всю свою жизнь борьбе за счастливое будущее любимой отчизны.

В новой, демократической Польше, так же как и в нашем великом Советском Союзе, гениальные сочинения Шопена горячо любимы многомиллионными народными массами. И эта любовь к творчеству великого композитора с каждым годом становится все глубже и ярче. Музыка Шопена стала у нас символом нерушимой дружбы польского и советского народов.

И. П. ПОПОВ.